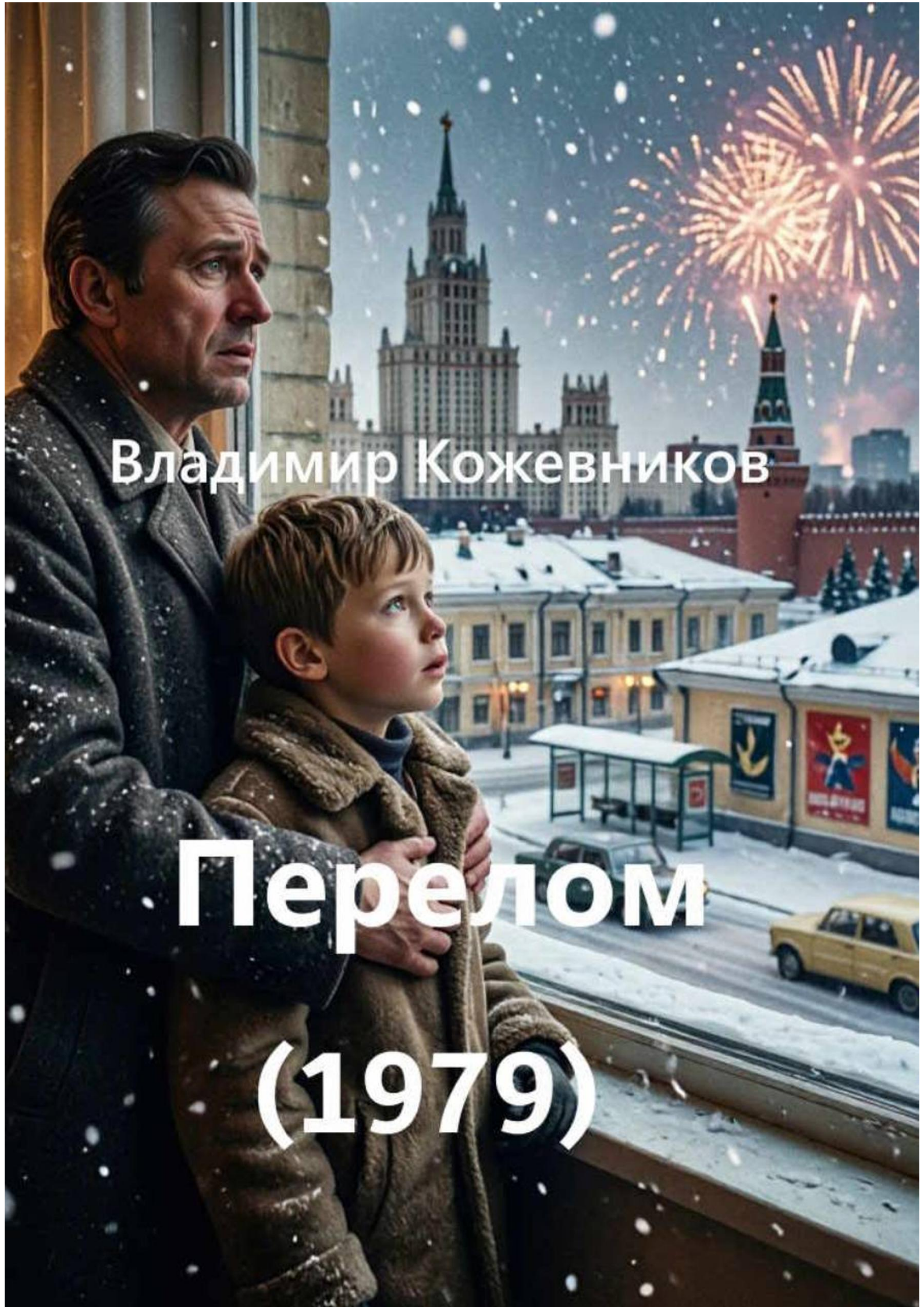

Владимир Кожевников

Перелом
(1979)

Владимир Кожевников

Перелом (1979)

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Перелом (1979) / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

1979 год. Москва. Дмитрий Соколов — человек из будущего, застрявший в прошлом. Он уже перестал быть чужим в этом мире, но ещё не научился смиряться с его жестокостью. Когда над страной нависает тень афганской войны, он пытается предотвратить катастрофу — пишет записки в ЦК, ищет союзников, рискует свободой. Но бюрократическая машина неумолима, а у системы свои законы. Потеряв любимую женщину, Дмитрий остаётся один с её маленьким сыном на руках. Теперь его борьба — не за идеалы, а за жизнь. Ему предстоит пройти через проверку КГБ, партийные интриги и предательство, чтобы понять: иногда самые важные битвы выигрываются не на баррикадах, а в тишине собственной кухни, когда держишь за руку ребёнка и смотришь на заснеженный город, в котором навсегда остался. 4-й роман цикла «Перенос» - о выборе, о цене любви, о том, как сохранить человечность в мире, где она становится роскошью. И о том, что даже в эпоху «застоя» можно найти свой путь.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Январь	5
Глава 2. Февраль	8
Глава 3. Март	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Перелом (1979)

Глава 1. Январь

Январь 1979 года встретил Москву трескучими морозами, от которых замерзала вода в краях, а на стёклах автобусов вырастали ледяные узоры. Дмитрий Соколов вышел из тамбура поезда на перрон Ленинградского вокзала и глубоко вдохнул обжигающий воздух, пахнущий углем и мазутом. После полугода в Ленинграде, где сырость, казалось, проникла в каждую молекулу его одежды, московский мороз ощущался почти как лекарство — резкий, сухой, бодрящий. Он сжал ручку старого чемодана, оставленного ему Крыловым, и смешался с вокзальной толпой.

Город был таким же, как он запомнил: серым, шумным, пропитанным запахами бензина и нагретого металла. Но в нём теперь чувствовалась какая-то смутная тревога, витавшая в воздухе, словно невидимое электричество. На газетных киосках висели свежие номера «Правды» с портретами Брежнева и заголовками о выполнении планов пятилетки. Обычный набор новостей, не предвещавший ничего необычного. Однако Дмитрий, за два года научившийся читать между строк, улавливал нотки напряжения. Где-то за горизонтом, в далёком Афганистане, уже тлел пожар, который в конце года должен был превратиться в полномасштабную войну. У него оставалось меньше года, чтобы попытаться предотвратить катастрофу, и осознание этого сжимало грудь ледяным обручем.

«Если я ничего не сделаю, — подумал он, пробираясь сквозь толпу, — я буду винить себя до конца жизни. Но что я могу? Я всего лишь инженер, пусть и с памятью будущего».

Он знал, что его знания о грядущих событиях были одновременно даром и проклятием. Он мог предвидеть, но не всегда мог изменить. И это осознание делало его одновременно сильным и беспомощным.

Дома его ждала тишина. Квартира на Строителей была холодной, с инеем на окнах и запахом запустения, въевшимся в стены. Он занёс чемодан, повесил пальто и огляделся. Всё оставалось на своих местах: тот же диван-книжка, ковёр с оленями, фотографии в рамках. Только пыль осела толстым слоем, и в воздухе витал запах сырости. Дмитрий подошёл к окну, стёр ладонью лёд и посмотрел на заснеженный двор. Дворник, старый и сторбленный, сгребал сугробы в кучи, и его движения казались бесконечным, бессмысленным ритуалом.

Он вспомнил, как провожали его в Ленинград. Ирина стояла на перроне, кутаясь в старенькое пальто, которое было явно не по сезону. Ветер трепал её волосы, и она смотрела на него с той смесью тепла и тревоги, которую он выучил наизусть за два года их отношений. «Ты будешь мне писать?» — спросила она тогда, и её голос дрогнул, выдавая страх, что он не вернётся. Он обещал — и писал каждую неделю, длинные, исписанные убористым почерком письма, в которых рассказывал о работе, о Ленинграде, о своих планах. Но он знал: между ними всё ещё стоял её муж, Владимир, человек, который по-своему был хорошим отцом для Алёши, но чьё существование превращало их любовь в тайну, которую приходилось прятать.

Теперь он вернулся, и ему предстояло решить, как жить дальше.

На следующий день он встретился с Мартыновым в его кабинете. Тот сидел за столом, заваленным бумагами, и выглядел старше, чем полгода назад: морщины стали глубже, седина — гуще. В руке он держал карандаш, которым нервно постукивал по столу, и этот ритмичный звук действовал на нервы.

— Ну, рассказывай, Соколов, — сказал он, откладывая карандаш, — чем порадуешь?

Дмитрий рассказал о работе в Ленинграде: о совместных проектах с Крыловым, о новых подходах к архитектуре процессоров, о перспективах, которые открывались. Он чувствовал, как возвращается привычный азарт, как слова сами собой складываются в схемы и идеи.

Мартынов слушал внимательно, иногда задавая вопросы. В его глазах мелькнула искра интереса, но в целом он оставался сдержанным.

— Хорошо, — сказал он наконец, — я вижу, что ты не терял времени даром. Но у меня для тебя плохие новости. Твой старый знакомый Баранов активизировался. Он создаёт альтернативную экспертную группу, чтобы доказать неэффективность твоих проектов. У него теперь есть поддержка в министерстве.

— Я знаю, — ответил Дмитрий. — Я уже встречался с ним.

Мартынов поднял брови.

— Встречался? Зачем?

— Хочу предложить ему сделку. Если он поможет мне с проектом по созданию вычислительной системы для геофизики, я откажусь от своих претензий на его должность. Он получит то, что хочет, а я — возможность закончить начатое.

Мартынов покачал головой, снял очки и протёр их платком.

— Ты или безумец, или гений, — сказал он. — Я надеюсь, что второе. Но запомни: Баранов не прощает поражений. Если он согласится, это будет лишь временное перемирие.

После разговора с Мартыновым Дмитрий отправился в ГКНТ, где встретился с Лавровым. Тот выглядел осунувшимся, с тёмными кругами под глазами, словно он не спал несколько ночей. Он сидел за столом, перебирая бумаги, и его руки слегка дрожали — видимо, он тоже чувствовал приближение чего-то неотвратимого.

— Ты знаешь, что Баранов затевает? — спросил Лавров, не поднимая глаз. — Он хочет уничтожить твой проект, и у него есть ресурсы.

— Я знаю, — ответил Дмитрий. — Но я решил попытаться переиграть его. Я предложил ему сделку.

Лавров резко поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление, смешанное с тревогой.

— Какую сделку?

— Если он поможет мне с проектом по автоматизации геофизических исследований, я уйду из министерского поля зрения. Он получит то, что хочет, а я — возможность закончить начатое.

— Ты думаешь, он согласится?

— Не знаю. Но я попытался.

Лавров долго молчал, разглядывая собеседника. Потом тяжело вздохнул.

— Ты рискуешь, Соколов. Но если это сработает... я не знаю, что сказать. Только будь осторожен.

В конце недели Дмитрий наконец встретился с Ириной. Она ждала его у метро «Профсоюзная», кутаясь в белую пуховую шаль, которая делала её лицо ещё бледнее. Он заметил её издали — она стояла неподвижно, глядя на толпу, и когда он подошёл, её глаза засияли. Но в этом сиянии была не только радость, но и боль, которую он не мог не заметить.

— Дима, — сказала она, и её голос дрогнул, — я так рада, что ты вернулся. Я так скучала.

Он обнял её, чувствуя, как дрожат её плечи, как пахнут её волосы морозом и мятой.

— Я тоже скучал, — ответил он, отстраняясь и заглядывая ей в глаза. — Как ты? Как Алёша?

— Всё хорошо, — сказала она, но он увидел, как она отвела глаза. — Владимир вернулся из командировки. Мы... мы почти не разговариваем.

Он сжал её руку, чувствуя, как внутри поднимается волна вины и боли.

— Может быть, нам стоит поговорить, — сказал он тихо. — Всё обсудить.

— Не сегодня, — она покачала головой. — Сегодня я хочу просто быть с тобой. Пожалуйста.

Они пошли по заснеженным улицам, взявшись за руки. Мороз крепчал, и на ветках деревьев нарастал иней, сверкавший в свете фонарей. В этом городе, в этой холодной красоте, Дмитрий чувствовал себя одновременно чужим и своим. Он знал, что впереди его ждёт нелёгкий год, но в этот момент, рядом с Ириной, он позволял себе забыть о тревогах и просто дышать.

Они шли молча, но это молчание было красноречивее любых слов. Дмитрий смотрел на её профиль, на то, как она кусает губу, как её дыхание превращается в пар, и понимал, что, несмотря на все его знания будущего, он не знает одного: как сохранить её, как не потерять её в этом мире, который был для неё единственным.

Глава 2. Февраль

Февраль 1979 года выдался не по-зимнему сырым. Снег на московских улицах превратился в серую кашу, которую дворники сгоняли в кучи вдоль тротуаров, и отовсюду пахло талой водой, мокрым асфальтом и остывшим металлом. Дмитрий сидел на кухне, сжимая кружку с остывшим чаем, и перечитывал то, что написал за последние две ночи. Это была не просто бумага — это был документ, который мог стоить ему свободы.

На нескольких листах, исписанных мелким, убористым почерком, он излагал аргументы против ввода войск в Афганистан. Он писал о том, что горный рельеф страны делает её неприступной для обычных армейских операций, что партизанское движение неизбежно и будет поддерживаться населением из-за культурных и религиозных различий. Он сравнивал ситуацию с опытом британской армии в XIX веке, которая дважды пыталась покорить Афганистан и потерпела сокрушительное поражение, и с опытом американцев во Вьетнаме, где техническое превосходство не привело к победе. Он приводил цифры: по его оценкам, война затянется на десятилетие, унесёт жизни десятков тысяч советских солдат, подорвёт экономику страны и нанесёт непоправимый урон её международному престижу. Он старался говорить на языке, привычном для партийных функционеров — сухо, фактами, без эмоций, но каждая цифра была пронизана тревогой.

Он передал записку Лаврову при личной встрече. Они сидели в маленьком кафе на окраине Москвы, где пахло жареным луком и дешёвым кофе, а на стенах висели выцветшие плакаты с репродукциями Шишкина. Лавров прочитал текст, и на его лице отразилась смесь ужаса и уважения. Он несколько раз перечитывал отдельные абзацы, словно не веря своим глазам.

— Ты понимаешь, что это может стоить тебе не только карьеры, но и свободы? — спросил он, и его пальцы дрожали, когда он держал листы. — Это же чистой воды пораженчество. В партийных кругах это воспримут как предательство.

— Я понимаю, — ответил Дмитрий, глядя ему прямо в глаза. — Но если я не попытаюсь, то я никогда себе этого не прощу. Я не могу наблюдать, как страна ввязывается в авантюру, которая унесёт столько жизней, и молчать.

Лавров вздохнул, аккуратно сложил бумаги и спрятал их во внутренний карман пиджака, словно это была взрывчатка.

— Я попробую передать Демичеву. Но честно говоря, я не верю, что это изменит решение. Наверху уже всё решили. Афганистан — это символ солидарности с революционным движением, и отступать никто не будет, как бы ты ни аргументировал.

— Я знаю, — сказал Дмитрий, чувствуя горечь. — Но я должен попытаться.

Вернувшись домой, Дмитрий долго сидел у окна, глядя на серое небо, в котором кружились редкие снежинки, смешанные с дождём. В голове крутились мысли о том, что он может сделать ещё. И тогда он вспомнил о Горбачёве, о котором знал по своему времени. В 1979 году Михаил Сергеевич был секретарём ЦК по сельскому хозяйству и уже начинал набирать политический вес. У Дмитрия не было прямого выхода на него, но у Серёжи был друг, работавший в аппарате ЦК и имевший доступ к корреспонденции.

Он позвонил Серёже, и они встретились в тот же вечер в маленькой закусочной у метро «Аэропорт», где пахло жареной картошкой и дешёвым пивом. Серёжа был удивлён предложением, но согласился помочь, хотя его глаза выдавали тревогу.

— Я напишу письмо, — сказал Дмитрий, — не политическое, а деловое. О модернизации сельхозтехники с использованием вычислительных систем. Это может заинтересовать Горбачёва, ведь он сейчас курирует агропром. Если я смогу войти в его круг, у меня появится рычаг влияния.

— Ты играешь с огнём, — ответил Серёжа, наливая чай. — Но, если это может помочь... я попробую передать письмо через моего друга. Только не рискуй слишком сильно.

Дмитрий написал письмо за одну ночь. Он писал о том, как автоматизация управления сельским хозяйством — от учёта урожая до прогнозирования поставок — может повысить эффективность, сократить потери и сэкономить миллионы рублей. Он приводил расчёты, ссылался на опыт западных стран, но избегал политических оценок. В конце письма он выразил надежду, что его идеи послужат развитию социалистического сельского хозяйства и укреплению продовольственной безопасности страны. Он перечитал текст несколько раз, исправляя формулировки, чтобы письмо звучало уважительно, но без подobenострастия.

Письмо было отправлено через Серёжиного друга. Прошла неделя, но ответа не было. Дмитрий понимал, что его голос тонет в бюрократическом шуме, что миллионы бумаг оседают в кабинетах чиновников, так и не достигнув адресата. Он решил сосредоточиться на проекте в НИИ, надеясь, что практические результаты дадут ему больше влияния, чем любые записки.

В середине февраля в его жизнь снова ворвался Баранов. Тот позвонил вечером, когда Дмитрий уже собирался ложиться спать. Голос его звучал необычно мягко, почти дружелюбно, и это насторожило Дмитрия больше, чем привычная резкость.

— Соколов, я хочу встретиться. Завтра в семь вечера у вас дома. Приду один.

Дмитрий удивился, но согласился. На следующий день Баранов стоял на пороге его квартиры — без обычного сопровождения, в штатском, с усталым лицом и потухшим взглядом. Он прошёл на кухню, сел на табурет и долго молчал, словно собираясь с мыслями.

— Я подумал над вашим предложением, — начал он, наконец поднимая глаза. — Я согласен поддерживать ваш проект, но на моих условиях.

Дмитрий насторожился.

— Каких?

— Вы должны написать записку о целях и задачах нашего присутствия в Афганистане. Не против, а за. С аргументами о необходимости, о солидарности, об укреплении позиций СССР в регионе. Это будет вашим пропуском в высшие круги. Если вы хотите влиять на решения, вы должны быть внутри системы. Я могу это обеспечить.

Дмитрий почувствовал, как его обдало холодом. Это была ловушка — если он напишет такую записку, он станет марионеткой Баранова, потеряет свою душу. Но если откажется, он потеряет последний шанс приблизиться к власти, а значит, и шанс предотвратить войну.

— Я не могу, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не могу писать то, во что не верю. Это было бы предательством всего, что я делаю и чем живу.

Баранов долго смотрел на него, потом усмехнулся — горько, без привычной насмешки.

— Жаль, — сказал он. — Вы могли бы многого добиться. Но вы сами выбираете свой путь.

Он поднялся, надел пальто и направился к двери. У порога он задержался, обернулся и тихо добавил:

— Знайте, Соколов: вы не сможете остановить то, что должно произойти. Но вы можете помочь сделать это менее кровавым. Если передумаете — я буду ждать.

Он ушёл, оставив Дмитрия одного в тишине прихожей. Дмитрий закрыл дверь и прислонился к стене, чувствуя, как бешено колотится сердце, как в груди разрастается ледяная пустота. Он понимал, что только что сделал выбор, который определит его будущее. И этот выбор был правильным — он чувствовал это каждой клеткой.

Он медленно прошёл в комнату, подошёл к окну и раздвинул шторы. За стеклом капал дождь, смешанный со снегом, и в мокром свете фонарей город казался призрачным, как сценарий фильма, в котором он был главным героем. Он вспомнил своё время, свою семью, свою жизнь, которую оставил там, и понял, что даже если он не сможет изменить всё, он может изменить то, что в его силах. И этого достаточно.

Он достал старую фотографию Ирины, которую хранил в книге на полке, и посмотрел на её улыбку. Затем убрал фотографию, закрыл глаза и прошептал в пустоту:

— Я не сдамся. Я буду бороться до конца.

Глава 3. Март

Март 1979 года выдался ветреным и промозглым, словно сама природа предчувствовала беду. Дмитрий шёл по улице Строителей, засунув руки в карманы старого пальто, и смотрел на серое небо, низко нависшее над панельными пятиэтажками. Ветер гнал по асфальту сухие листья, принесённые с прошлогодней осени, и они шуршали под ногами, как шепот сотен голосов. Он думал о том, что ответа на письмо Горбачёву так и не пришло, что записка Демичеву, скорее всего, осела в сейфе какого-нибудь чиновника, и что Баранов ждёт его поражения, чтобы потом добить. Всё шло не так, как он планировал.

В НИИ дела обстояли чуть лучше. Проект по созданию вычислительной системы для геофизики продвигался, хотя и с трудом: постоянные задержки с поставками оборудования, бюрократические проволочки, нехватка квалифицированных кадров. Дмитрий проводил долгие часы в вычислительном центре, проверяя алгоритмы и отлаживая программы, и это была единственная область, где он чувствовал контроль. Титов, его непосредственный начальник, относился к нему с настороженным уважением, но в последнее время стал чаще хмуриться, чем хвалить. Дмитрий чувствовал, что тот начинает подозревать его в чём-то, и это добавляло тревоги.

В середине марта его вызвал Мартынов. Старик выглядел осунувшимся, под глазами залегли тёмные круги, и он несколько раз переспрашивал Дмитрия о деталях проекта, словно проверяя его память. Когда Дмитрий закончил, Мартынов долго молчал, потом сказал:

— Соколов, я получил письмо из ЦК. Твоя записка о модернизации сельского хозяйства... она дошла до Горбачёва. Он хочет встретиться с тобой.

Дмитрий почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Когда?

— Через два дня. В его приёмной на Старой площади. Будь готов, он будет задавать вопросы. И, Соколов... будь осторожен. Он ещё не тот, кем станет, но он уже достаточно проныцателен. Не переигрывай.

Дмитрий кивнул, хотя внутри всё дрожало. Встреча с Горбачёвым — это шанс, которого он ждал. Но это также и проверка, которая может всё разрушить.

Два дня пролетели как один миг. Дмитрий готовился, перечитывал свои записи, репетировал ответы на возможные вопросы. Он знал, что Горбачёв — прагматик, и его интересуют не идеи сами по себе, а их практическая реализация. Он должен был показать, что его предложения не просто теоретические построения, а реальные, измеримые улучшения.

В день встречи он надел свой лучший костюм — тёмно-синий, купленный в комиссионном магазине перед отъездом в Ленинград, — и пришёл в здание ЦК за час до назначенного времени. Приёмная Горбачёва оказалась небольшой, обставленной скромно, но со вкусом: на стенах — карта СССР, на столе — аккуратная стопка папок и свежие цветы в вазе. Секретарша, молодая женщина с высокой причёской и строгим взглядом, сказала ему подождать.

Через двадцать минут его провели в кабинет. Горбачёв сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. Он выглядел так, как Дмитрий и представлял: энергичный, с проницательными глазами, на голове — лёгкая залысина, на лице — сосредоточенное выражение. Он поднял взгляд, и его лицо осветилось лёгкой улыбкой.

— Товарищ Соколов? Садитесь. Я прочитал ваше письмо. Очень интересно. Расскажите подробнее.

Дмитрий начал говорить. Он старался говорить спокойно, уверенно, избегая излишней сложности. Он объяснял свою систему, показывал схемы, приводил расчёты. Он говорил о том, как автоматизация учёта урожая и прогнозирование поставок могут сократить потери на двадцать процентов, как использование вычислительных машин позволит оптимизировать рас-

пределение удобрений и техники. Горбачёв слушал внимательно, иногда задавая уточняющие вопросы, иногда делая пометки карандашом в блокноте. Когда Дмитрий назвал конкретную цифру — двадцать процентов экономии на логистике, — Горбачёв переспросил, на чем основаны такие расчёты, и Дмитрий объяснил свою методику. В глазах Горбачёва зажглась искра — не просто любопытства, а настоящего интереса к практическому применению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.